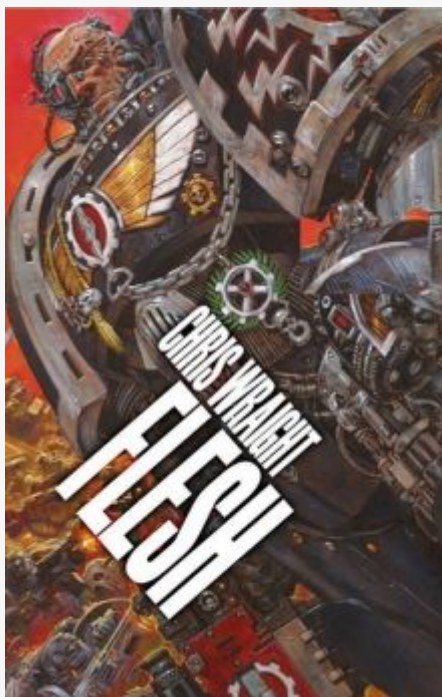

Плоть / Flesh (рассказ)

Плоть / Flesh (рассказ)

Автор	Крис Райт / Chris Wraight
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Источник	Hammer and Bolter 7
Год издания	2011
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Экспортировать	PDF , EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Пятьдесят лет назад они забрали мою левую руку.

Я видел это, оставаясь в сознании, хотя смесь стимов и болеутоляющих сделала меня апатичным. Я смотрел, как ножи взрезают кожу, проходят через мышцы и сухожилия.

С костями у них возникли проблемы. К тому времени я уже был полностью изменен, и оссмодула сделала мой скелет твердым, словно пласталь. Им пришлось использовать циркулярную пилу со сверкающими лезвиями, чтобы разрезать лучевую и локтевую кости. До сих пор слышу тот истошный визг.

Но они просто следовали установленному порядку. В самом деле, они ведь намного дальше прошли по пути. Мне следовало даже извлечь что-нибудь для себя из того, как они действовали тогда.

Я ни разу не закричал во время операции. Мне сказали, что это удавалось не всем.

На привыкание к механической руке ушло три недели. Плоть оставалась раздраженной гораздо дольше, вздувшаяся полоса красноты обступала металл имплантата.

Порой, проснувшись, я смотрел на это чужеродное тело, выступающее из распухшей культи моей левой руки. Шевелил железными пальцами, наблюдая, как микро-поршни и узлы балансировки аккуратно скользят мимо друг друга. Механизм выглядел хрупким, но я знал, что он сильнее моей настоящей руки.

Сильнее и лучше. Морвокс провел со мной много времени, объясняя все преимущества механизма. Говорил он при этом о прагматичности и выросших показателях эффективности. Но даже тогда я понимал, что под этим скрывается нечто большее.

Дело было в эстетике. В красоте формы. Мы изменяли себя, подчиняясь велениям вкуса.

Вы ошибаетесь, видя сожаление в этих словах. Я не жалею ни о чем, сотворенном со мной, поскольку не имею на то причин.

Моя железная рука функционирует полноценно. Она служит, как служу и я. Она – инструмент, как и я. Нет чести превыше этой.

Но моя старая плоть, часть меня, принесенная в жертву на том обряде в кузнях, за которым следили их машинные лица – я не забываю её.

Однажды это случится. Как и Морвокс, я не буду помнить ни о чем, кроме эстетического императива.

Однажды. Но сейчас я по-прежнему чувствую свою левую руку.

I

Из Талекса в Майорис, дальше к осевым шахтам и турболазам. Уровни мелькают мимо, все беспросветно черные, измазанные в грязи. Выход со станции Лирис, вокруг стало почище. Затем до Экклезиаст-Кордекс, на грав-канатах, контролируемых серорубашечниками и напрямиком в квартал Администратума. Мимо лужаек настоящей травы, что зеленеет тут под голо-лампами, и опять вверх, через Секурум и Эксцельсион с его куполами из оргстекла.

Вот там-то всё блестит. Сияющий кафель, окна от пола до потолка, будто и нет вовсе остального улья, спрессованных кубических километров человечества, выживающего в закутках между кузнями и мануфакториумами, среди грязи и нищеты.

Здесь, на самом верху, где верхушки шпилей улья Горгон пронзают тяжкое оранжевое месиво неба, ты чувствуешь себя так, словно тебе больше никогда в жизни не понадобится кожечистка по самые гланды. Тебе кажется, что всё на Хелаже-5 такое чистое и гладкое, прямо как совесть святой Целестины.

Но Раиф Хамед, кое-что повидавший в жизни, так не думал. Он поднимался к губернатору Тральмо, все ещё одетый в полевую форму дженумария, неся на себе запахи случившегося в 45/331/аХ и ароматы, прицепившиеся по пути наверх. Лазган, свободно висевший на охватывающей талию перевязи, стучал о его правое бедро и нуждался в перезарядке. Раифу она бы тоже не помешала. Они оба выплеснули всю

свою энергию на ублюдков, что никак не хотели кончаться.

Двое серорубашечников, стоявших у дверей, заметили Раифа и щелкнули каблуками.

— Джен! — произнесли они не совсем синхронно и отсалютовали знаком аквилы.

— Она там? — спросил Хамед, уже входя в покои губернатора.

— «Она» здесь, — донесся голос изнутри, — и закрой за собой двери.

Хамед так и сделал. Войдя, он оказался в округлом зале с полом из серого и розового мрамора. Частые ложные окна в стенах выходили на фальшивые луга под ненастоящим небом. В одном из промежутков возвышалась с мрачным и благочестивым видом статуя Сангвиния-Искупителя, вырезанная из костяного камня.

Напротив дверей стоял губернаторский стол, но за изогнутой столешницей никого не было. Возле одного из краев кто-то поставил рядом три низких диванчика, и ближний к Раифу занимала сама планетарный губернатор Анатова Тральмо, с лицом, стянутым десятилетиями омолаживающих процедур, и волосами, блестящими от масел. Рядом с ней сидел Эрид, астропат-майорис, смотрящий в пространство своими мутными бельмами.

— Как там дела? — спросила Тральмо, стоило Хамеду рухнуть на последний диванчик. Губернатор чуть поморщилась, заметив, что он испачкал грязной формой сливочно-белую обивку.

— Ужасно, — ответил Раиф, не обращая на это внимания. — Ужасно до безумия. Даже не просите рассказать, чего я сегодня насмотрелся. Все равно описать не сумею.

Губернатор сочувственно кивнула.

— Тогда, надеюсь, тебе понравятся *мои* новости. Эрид?

— Получен ответ, — сообщил астропат, обратив на Хамеда свой жуткий взгляд слепца. — Пришел два цикла назад, расшифрован и заверен только что.

Уставшее лицо Раифа оживилось. Он уже начинал сомневаться, что кому-то вообще есть до них дело.

— О, Трон, наконец-то, — произнес Хамед, не скрывая облегчения. Времена для показной решимости давно прошли. — Какой полк?

— Это не сигнал от Гвардии, дженумарий.

— А чей же? Кто ответил?

Вместо ответа Эрид протянул ему инфопланшет, содержащий резюме принятого сообщения, расписанное в многословном хелажском письменном диалекте.

Хамед пробежал строчки текста, и его мышцы напряглись. Он прочел сообщение вновь, просто для уверенности, и понял, что сжимает планшет чуть сильнее, чем нужно.

Будь он хоть капельку менее уставшим, то смог бы скрыть реакцию. А так, подняв глаза, Раиф понял, что все мысли по поводу сообщения написаны у него на лице. Сам он впервые заметил, с каким напряжением смотрела на планшет губернатор Тральмо.

Она всегда нравилась Хамеду. Сильная женщина, Анатова никогда не паниковала по пустякам и отлично

вела себя в сложные времена.

Сейчас она выглядела так, словно вот-вот наблюдает на белый диванчик.

— Сколько времени у нас есть? — спросил Хамед, понимая, что внезапно охрип.

— Меньше стандартного терранского цикла, — ответила Тральмо. — Я хочу, чтобы *ты* их встретил, Раиф. Пусть все остается в зоне ответственности военных, понимаешь?

Хамед сглотнул, продолжая слишком сильно сжимать планшет.

— Понимаю.

Сука ты такая.

Двери причального шлюза были в метр толщиной, и сейчас они нехотя расходились в стороны, скрежеща по изъеденным ржавчиной направляющим. Платформа снаружи открывалась всем ветрам, а на Хелаже ветра славились своей злобой.

В оранжевом тумане мигали габаритные огни посадочной площадки. Вдали, в ледяной каше атмосферы, неслись к ним другие огни, пробиваясь через вечно ревущую бурю. Сегодня она звучала так, словно ворочался во сне безумный великан.

Наконец, прямо над площадкой возникли неясные очертания корабля, сопровождаемые спорящим с бурей ревом. Нежданный гость выглядел огромным, куда большим, чем те челноки, что обычно садились на верхней платформе шпиля.

Хамед мало что мог рассмотреть — его визор уже запотел — но мощностъ выхлопа, ощутимая даже сквозь ураган, говорила о многом. До этого, когда корабль ещё только шел на посадку, на следящих авгурах платформы можно было заметить ряды орудийных стволов, расположенных по его бортам, гигантские сопла двигателей и отблески единственного, печально знаменитого символа.

Все это совсем не радовало Хамеда. Он сильно нервничал, его руки потели в плотных перчатках защитного костюма, сердце бешено колотилось в груди.

Его люди, двадцать иостарцев, выстроившихся позади, чувствовали себя не лучше. Все они, как и Раиф, нервно следили за буйством вихрей снаружи, наискосок приложив к нагрудникам крепко сжатые в руках лазганы.

Мы выглядим так, словно сейчас обгадимся. Трон Земли, солдат, возьми себя в руки. Монотонный рев вдруг превратился в раскат грома, и корабль рванулся ввысь, вновь скрываясь в безумии оранжевых облаков. Его темные очертания тут же скрылись из глаз, но шум двигателей ещё долго звучал с небес.

В густом ядовитом смоге появились новые фигуры, медленно обретающие форму, словно акулохват, всплывающий к поверхности кислотного моря. Их было пять.

Гарнизон Имперской Гвардии в улье Горгон насчитывал более ста тысяч солдат, и они не добились в отражении нашествия ровным счетом ничего за шесть местных месяцев, что при пересчете на терранские выглядело ещё более неприятно.

А этих, значит, пятеро. *Пятеро.*

— Смирно! — прошипел Хамед в вокс-канал.

Став навтыяжку, его люди уставились прямо перед собой. Квнтет темных фигур приблизился, и Раиф, нервно сглотнув, принялся внимательно изучать их.

Доспехи гостей отливали полнотной чернотой и выглядели менее затейливо, чем он ожидал. Вся символика ограничивалась матово-белыми знаками на наплечниках, выглядевшими просто и незамысловато. Но размеры... Просто невозможно было не думать о них. О том же самом предупреждал и Намог, двадцать лет назад по ротации угодивший в гарнизон другой планеты и видевший там отделение Серебряных Сабель.

— Никогда к ним до конца не привыкнешь, — рассказывал он, с недовольным выражением на уродливом лице. — Думаешь, «это машина, это должна быть машина». Но там, внутри неё, человек. А потом он начинает двигаться, со всеми этими клятыми тоннами брони, и ты знаешь, что он шустрее в сто раз, и может убить тебя так быстро, что глазом моргнуть не успеешь. Вот тогда-то ты и понимаешь, что был прав с самого начала. Это машина, жуткая машина из ночного кошмара, и, если нам нужны такие штуковины просто для того, чтобы выжить, то вселенная — весьма стремное местечко.

Их доспехи тихо жужжали. Несмотря на то, что этот звук тонул в реве бури, он всё равно оставался ощутимым. Так же, как и в случае с кораблем, Хамед чувствовал мощь, исходящую от этих черных фигур, мощь, которую они не собирались скрывать. Они шагали, *громыхали* к нему, с каждым движением источая уверенность, угрозу и презрение.

Раиф Хамед склонил голову.

— Добро пожаловать, господа мои, — произнес он, и с отвращением к себе понял, что дрожь в голосе слышна даже по искаженной трансляции встроенного в шлем вокса. — Мы с радостью приветствуем вас на Хелаже-5.

— Сомневаюсь, — пришел ответ, будто выданный автоматикой. — Но мы все равно прибыли. Я брат-сержант Наим Морвокс из Железных Рук. Введи меня в курс дела, пока будем спускаться, и после начнется очищение.

— Они пришли из подулья. Мы изолировали отряды в зонах прорыва и предприняли необходимые действия по устранению заражения...

Объясняя положение, Хамеду приходилось то и дело переходить на бег, чтобы поспеть за Морвоксом. Космодесантник Железных Рук и не думал сбавлять шаг, продолжая ступать широко и размеренно, как и четверо его спутников. Глухой шум сопровождал их спуск по отполированному полу переходного коридора, и следом поспевали солдаты Раифа.

— Но достигли немногого, — прервал Морвокс. Его голос казался странно тихим и тонким, особенно потому, что доносился из огромной вокс-решетки на шлеме. Как и все остальные Железные Руки, сержант оставался в шлеме, и на Раифа смотрела темная, лишенная выражения маска.

— Нам удалось удержать их от проникновения в верхние уровни, — возразил он, понимая, насколько несерьезно это звучит.

Морвокс уже добрался до выстроившегося по обеим сторонам коридора почетного караула из пятидесяти иостарцев, в характерной серой униформе, с приветственно воздетыми лазганами.

— Но источник агрессии не уничтожен.

— Нет. Пока ещё, нет.

Краем уха Хамед услышал голос Намога, командующего почетным караулом, и солдаты, выполняя приказ, вытянулись в струнку. В движении не было парадной четкости, люди явно нервничали.

— Мне нужен доступ к чертежам вашего улья, — на ходу бросил Морвокс, не обращая никакого внимания на иостарцев. — Когда началось вторжение?

— 8.2 стандартных терранских месяца назад, — ответил Раиф, успев на ходу неловко пожать плечами в знак извинения перед Намогом. Его заместитель выглядел раздраженнее обычного. — Под контролем врага сейчас пятьдесят пять процентов территории, исключительно в нижнем улье. К уровням, лежащим под основанием кузни, у нас доступа нет.

— Также необходим полный отчет по имеющимся ресурсам. Все солдаты в улье переходят под мое командование. Твое имя?

Только теперь он спросил. Как мило.

— Раиф Хамед, дженум...

— Остаешься со мной. Как только я получу затребованную информацию, начнем атаку. Твои люди к этому времени *будут* полностью готовы к выступлению, и я отдам приказы о дальнейших действиях.

— Отлично. Парни в полной боевой го...

— Проследи, чтобы они оставались в ней.

В конце коридора, за парой раздвижных дверей, их ждал командный пункт, восьмиугольное помещение, стены которого скрывались под многочисленными пиктами. Сервиторы, отмеченные знаком черепа-и-шестеренки Механикус, обихаживали стоящие на полу грузные модули когитаторов. Дрожали в воздухе проекционные колонны гололитов, демонстрирующие различные срезы уровней улья Горгон.

Морвокс встал, как вкопанный. Он не сказал ни слова вслух, но воины его отделения немедленно рассыпались по командному пункту и принялись поглощать информацию с пиктов. Один из Железных Рук, отодвинув сервитора, выпустил инфокоток из какого-то углубления в своей латной перчатке и подключился к когитатору. Хамед ничего не слышал, но подозревал, что космодесантники активно переговариваются по закрытым каналам.

— Жди снаружи, — приказал Морвокс.

Раиф на миг опешил. С тех пор, как раскрылись двери причального шлюза, прошло всего несколько минут, всё происходило слишком быстро, а он ждал, что... Впрочем, Хамед сам не знал, чего он ожидал.

— Исполняю, господин, — поклонился он в ответ.

Дженумарий иостарцев вышел из командного пункта, и противозрывные двери сдвинулись за его спиной. Намог ждал снаружи.

— Ну? — спросил заместитель Раифа. В своей парадной броне Орфен Намог выглядел довольно нелепо, причем, и сам он удобно чувствовал себя лишь на передовой, лежа в грязи и упираясь плечом в приклад лазгана.

— Мы просили о помощи, — просто сказал Хамед. Он вдруг почувствовал, как сильно устал после

двадцати часов без сна. — Вот, получили её. Собирай ребят, всё начинается по-новой, только командуем теперь не мы.

Ждать пришлось дольше, чем предполагал Раиф. Железные Руки не появлялись из командного пункта больше семи часов, и Хамед успел немного поспать, просмотреть тактические отчеты о ходе операции сдерживания и, вместе с Намогом, подкрепиться сушеным мультимясом, запивая его тареком.

— Нам *придется* с ними работать, Орфен, — утвердительно произнес Раиф, разгрызая хрящик.

— Не-а, — безразлично ответил тот. — Не будем мы с ними «работать». Они покажут на очко в сортире — ты прыгнешь в дерьмо. Вот как всё теперь пойдет.

— Пусть так. Но ты все равно следи за языком, я не хочу, чтобы твое отношение влияло на солдат.

Намог заржал и отхлебнул ещё тарека. Между его крупных желтых зубов торчали застрявшие кусочки мяса.

— Не бойся, парни и так уже все с полными штанами ходят. А я ведь им ещё ничего не рассказывал.

Бусина на стоячем воротнике Хамеда моргнула красным, и он вдруг ощутил неприятное шевеление в животе.

— И чего же мы все так боимся? — пробормотал он, вставая и забирая шлем с лавки.

Намог вытер губы и вслед за командиром направился к выходу.

— Слышал о Контквале? — спросил он. — Знаешь, что они там устроили?

Хамед оправил складки на форме и надел шлем, на ходу проверяя герметичность соединений.

— Не стоит верить всему, что пишут, Орфен. В инфосетях полно разного вранья.

— Каждый третий. Вот сколько народу они положили. «Карательные меры», говорят. А те несчастные ублюдки ведь были на нашей стороне.

Открыв противозрывные двери, ведущие из офицерских казарм, Хамед вышел в вестибюль командного пункта. Плечи расправлены, взгляд вперед. Мелочи всегда имеют значение.

— Как я и говорил. Полно разного вранья.

Они вошли в командный пункт. Железный отец Наим Морвокс ждал внутри, все такой же огромный и готовый едко съязвить.

— Мы получили всё, что требовалось, — сообщил он. — Начинаем.

Быстрым шагом из Эксельсиона, в длинные бункеры Секурума, увешанные неяркими осветительными полосами. Администратум позабавил физиономиями схолиастов, перепугано смотревших, как черные гиганты маршируют через их лекс-палаты. Вниз под своды Кордекса, где несколько священников попытались благословить космодесантников, но те просто отодвинули их от себя, как и всех остальных.

И затем, снова в грязи, по липкому полу, набирая горячий воздух в легкие, и вентиляция хрипела, будто

торчок под фенексодролом. Солдаты ждали их на станции Лирис, выстроившись рядами по сто. Они смотрелись весьма достойно в полных комплектах серой полевой формы и надетой поверх неё штурмовой броне. Под ногами почти не было заметно пятен крови, видимо, кто-то перед их появлением усердно оттирал полы.

— Вы будете произносить речь? — спросил Хамед, сам не зная, пойдет ли это на пользу боевому духу иостарцев.

— Нет, — ответил Морвокс, по-прежнему шагая вперед.

Он никогда не останавливался. Он просто-напросто продолжал идти.

...Вот тогда-то ты и понимаешь, что был прав в первый раз. Это машина, жуткая машина из ночного кошмара.

Неумолимость их движений сильнее всего нервировала Раифа. Да, Железные Руки выглядели почти неуязвимыми, и даже шум доспехов словно нес какую-то угрозу. Но вот это ощущение непримиримости, ощущение, что они просто будут продолжать идти, пробирало до печенок.

У любого смертного, даже у такого невероятного упрянца, как Намог, есть предел, после которого он сдастся. Но Железные Руки не остановятся. Никогда.

— Как должны выдвигаться иостарцы?

— Все приказы уже в тактической сети. Пока пусть просто не отстают.

И снова вниз, мимо станционных укреплений, по тоннелям техобслуживания к скоплениям жилых модулей в сердцевине улья. Слабая освещенность превращается в проблему. Шахты здесь явно более узкие и дольше не выдавшие ремонтников. Витки кабелей свисают с потолка, влага собирается лужицами в темных углах, неисправные светильники моргают за железными сетками.

Они подбирались все ближе к цели. В улье Горгон, чтобы спуститься на полкилометра вниз, нужно было пройти намного более длинный путь под землей. Целые горы скалобетона теперь отделяли от Раифа ближайший клочок неба, вентиляционные системы выкашливали сырой, смердящий выгребной ямой воздух. Основные энергосистемы пострадали или были полностью уничтожены в начале беспорядков, а мощностей полевых генераторов явно не хватало для полноценной замены.

Хамед включил усилители освещенности в шлеме, и то же самое сделали двадцать солдат из его передового отряда. Они следовали буквально по пятам Железных Рук, ни на миг не сбившихся с ритма.

— Узел 4R, — объявил Морвокс, приближаясь к массивному, укрепленному гермозатвору в конце коридора. Сейчас ворота были закрыты, и по бокам занимали позиции отряды часовых-серорубашечников, явно напряженных и с лазганами наизготовку.

— Мы очистим его. Вы закрепитесь на отвоеванных позициях. Твои солдаты готовы?

Раиф откровенно запыхался по пути вниз. Бросив быстрый взгляд за спину, на заполненный иостарцами коридор, он убедился, что боеготовность передового отряда не вызывает вопросов, но за ними, растянувшись по длинному, слабо освещенному тоннелю, подтягивались остальные взводы. Хамед видел, что некоторые солдаты на ходу вставляют в лазганы батареи питания или герметично застегивают шлемы. Что ж, их тоже будем считать готовыми.

— Ждут вашей команды, — кивнул он Морвоксу.

— Нам не нужна огневая поддержка. Вы не должны активно участвовать в наступлении. Закрепляйтесь на зачищенной нами территории. После того, как мы закончим, вы получите новые приказы.

Затем сержант произнес что-то по закрытому каналу, и космодесантники достали оружие. Четверо из них, включая Морвокса, теперь держали в руках большие, угловатые пистолеты с кургузыми стволами. Внизу, перед рукоятью, торчали короткие и толстые магазины. В целом создавалось впечатление, что Железные Руки идут в бой с небольшими гранатометами, а не обычным огнестрельным оружием.

Пятый космодесантник поднял нечто действительно громадное, орудие, место которому было в артиллерии, с магазином не меньше человеческого туловища. Даже он мог держать его только двумя руками, одна из которых охватила отдельную рукоять над стволом. Нечто вроде твердой патронной ленты, составленной из сцепленных друг с другом кассет, уходило за спину воина.

И это ещё не все, у них ведь имелись и клинки. Некоторые походили на короткие колющие мечи, которыми сражались в ближнем бою люди Хамеда, только вдвое больше. Прочие же были совершенно иными. Двое гигантов взяли в свободные руки заводские ленточные пилы, принявшие форму гигантских палашей.

Это оружие казалось просто смехотворным. Чрезмерно большое, предназначенное для убийств в промышленном масштабе, выдуманное каким-то обезумевшим машиновидцем и отданное в руки сверхлюдям. Раиф прикинул, что едва сможет поднять один из «пистолетов», но космодесантники держали их с легкостью, одной рукой.

В горле у дженумария пересохло. Несмотря ни на что, он не забывал о кошмаре, ждущем на той стороне барьера.

— Открыть гермозатвор, — скомандовал он по воксу.

И вот, со скрежетом металла, надрывными столами древних и болезненных механизмов, медленно раскрылись ворота, ведущие в прихожую ада.

II

Землеход. Длинный для своего типа, протянувшийся на километр от раскидистых гроздей сенсориумов на голове до мусородробилок на задку. Массивный, чуть раскачивающийся, увенчанный короной пыльного смога, медленно сползающего по боковой броне. Тусклые желтые огоньки, почти незаметные в яростной буре, усеивали её потрепанные пластины.

Ветер пытался пошатнуть, свалить его, но гигантские суспензорные катушки, установленные в подвеске, сглаживали каждое движение многотысячетонного тела, скрывавшего в себе движущие механизмы, обрабатывающие конвейеры, кузницы, жилища экипажа и оружейные.

Двигатели выли все время, неустанно и неусыпно. Они никогда не останавливались.

Землеход двигался с хорошей, по медузанским меркам, скоростью, равной 0.3 километра в час. Полы дрожали, отзываясь шуму приводов, с воздухозаборников сыпалась черная пыль.

Снаружи ревел ураган, могучий и грязно-черный. Чьи-то голоса подвывали ветрам.

На Медузе всегда ревели ураганы, могучие и грязно-черные. На Медузе чьи-то голоса всегда подвывали ветрам.

Перед землеходом простерлась равнина, покрытая паутиной глубоких трещин и заостренными временем валунами. Алые молнии били из облаков смога, нависших над далеким горизонтом.

Хаак Рейн, откинувшись на решетчатую спинку железного кресла, потер глаза. Металл правого оптического имплантата неприятно ощущался кожей.

Рейна окружали пикт-экраны, плотно развешанные по всему сенсориуму, тесному наблюдательному пункту, установленному прямо на переднем левом углу ведущего гусеничного модуля. Изображения с них моргали оранжевым и представляли собой наборы тускло горящих рун, суммирующих информацию, поступающую с органов чувств «Мордехая», семи тысяч авгуров узконаправленного обзора. Имплантат помогал Рейну разобраться в их непрерывном мельтешении.

А ещё от него болела голова. Круглые сутки имплантат изводил Хаака своим неизменным жаром. Проклятая штуковина сидела в черепе, будто капля расплавленного металла, но Рейн не роптал. Ему в голову не приходило жаловаться, так же, как и когда его подключили к железному креслу, или когда ноги от недостатка движения превратились в высохшие тростинки, или когда он понял, что не может спать без двойной дозы успокоительных и специальных цифлексных упражнений.

Весьма немногие жители Медузы видели смысл в жалобах. Такое уж это было место.

Что-то мелькнуло на одном из пикт-экранов. Рейн уставился на него мутным взглядом, увеличил разрешение и соответственно сменил настройки имплантата.

— Трон, — присвистнул он, повышая приоритет сигнала. — Траак, ты тоже это видишь?

За тысячу метров от него, на дальней стороне ведущего модуля «Мордехая», с треском проснулся комлинк.

— Ага, — голос Траака казался вялым, словно он только что пытался подремать. — Хочется верить, мы с тобой не ошибаемся. Спускаем краулер?

— Да, приступаю.

Своей правой рукой, той, что ещё могла двигаться, Рейн ввел возможные варианты курса. Левая, та, что оканчивалась пучком стальных кабелей, подергивалась, пока шла установка нейро-соединения с Душой «Мордехая». На слияние ушло несколько секунд. Затем из инфосети пришло подтверждение, и откуда-то снизу донесся отдаленный скрежет металла о металл, вслед за которым что-то затряслось, и, наконец, прозвучал гулкий удар. Рейн переключился на другой пикт-экран, отображающий причальный борт гусеничного модуля.

У самого его основания, между двумя кожухами траков, Хаак увидел открытый люк с выдвинутой из него пологой рампой, оставлявшей борозды на почве под землеходом.

Четырехгусеничный краулер скатился по спуску, и его грубый, угловатый корпус покачнулся в момент соприкосновения с равниной. Из выхлопных колонн толчками повалили клубы сажи, и транспорт направился по заданному курсу, подергиваясь на неровном грунте.

Рейн переключился на поток данных с краулера, и на экране несколько секунд дрожали статические помехи, сменившиеся нормальным изображением. Он увидел, как из ослепляющих вихрей пыльной бури

выступают очертания человека, все ещё держащегося на ногах, но прихрамывающего и клонящегося под порывами ветра. Его изодранную одежду покрывала черная пыль равнин, делая незнакомца похожим на кусок обугленного мяса.

Достигнув заданной точки, краулер остановился. Пошатываясь, человек добрался до транспорта и забрался внутрь, после чего краулер развернулся и направился обратно к рампе. Вновь сменив пикт-поток, Рейн получил обзор с внутренней камеры и увидел, как человек тяжело оседает в углу грузового отсека.

— Жизненные показатели, — приказал Хаак.

Несколько индикаторов возникли на соседнем экране, сообщая, что парень держится на границе жизни и смерти.

Крепкий ублюдок. Если вовремя окажется в руках медиков, то, возможно, выживет. Рейн отправил сообщение в инфосеть и услышал щелчок, подтверждающий его регистрацию Душой.

— Метки нашел? — спросил Траак, явно подключенный к тому же пикт-поток.

— Ещё нет, — ответил Рейн, увеличивая изображение измазанного в грязи лица и пристально рассматривая его. Что бы этот парень ни делал на равнинах, он определенно чуть не погиб там. Половину его буревой брони просто сорвало с тела. — Ясно только, что типчик не из наших.

— Можешь пробить по иденту?

— Да, если ты успокоишься и дашь мне пару минут.

Краулер вернулся на борт, и Рейн, подав запрос, получил разрешение на глубокое сканирование. Авгурь перенастроились, и по телу незнакомца широким взмахом пробежала красная полоса лазера. Как только сканирующий луч коснулся височного штифта, в инфосеть загрузился пакет новых данных, внимательно изученных Хааком.

— Есть что-нибудь? — Траак уже начинал действовать на нервы.

— Ничего особо волнующего, — ответил Рейн, подготавливая данные для пересылки медикам, втягивая рампу и закрывая люк. — Парень из клана Грамен. Да уж, далеко забрался от дома, одному Манусу ведомо, что он делал на этой равнине.

— А имя?

— Морвокс. Мне ни о чем не говорит, а тебе? Наим Кадаан Морвокс.

Другой землеход. Меньше «Мордехая», но повыше и лучше бронированный. Никаких меток клана не было на его корпусе и черных бортах, ни один огонек не светил с панциря, и ни один рудозаборный пандус не входил в почти отвесные бока.

Землеход полз по бесплодной равнине, и ураган бессильно пытался сотрясти его. Он даже не покачивался. Глубоко внутри, среди гробниц из металла и скалобетона, среди могучих механизмов, располагалось идеально квадратное, погруженное в полумрак помещение с полом из черного камня. По стенам вились почти органические переплетения трубопроводов, а с железного потолочного свода

свисали тусклые лампы.

В центре стоял на коленях обнаженный человек, покрытый блестящими каплями пота, склонив голову в знак покорности. Его окружали высокие и широкоплечие фигуры, облаченные в длинные, свободные одеяния. Их лица скрывались за металлическими масками.

Дрожь двигателей передавалась стенам.

Один из безликих выступил вперед и долго смотрел снизу вверх на коленопреклоненного человека, не нарушая молчания. Когда же он, наконец, заговорил, то голос показался совсем не подходящим столь могучему телу. Звучал он тонко и бесстрастно, словно пропущенный через множество аудиофильтров.

— Среди всех кандидатов из Грамена, ты один выдержал испытание равнинами. Какой урок следует из этого извлечь?

Стоявший на коленях не ответил и даже не пошевелился.

— Какой же?

— Я не знаю, господин.

— Никакой. Ты не избранный. Ты не особенный. Бывают годы, когда не возвращается никто. Бывают годы, когда возвращаются многие.

Человек у ног великана не поднимал голову, и его мышцы трепетали, стараясь сохранять неподвижность тела. Он был отлично сложен по меркам Медузы, высокий, худощавый, но мускулистый. Шрамы испещряли его плоть, на которой виднелось и несколько свежих ран.

— Ты можешь преуспеть и в последующих испытаниях. Ты можешь погибнуть в них. Не нужно искать в этом знаков судьбы или видеть предназначение. Есть лишь то, что продолжает работать, и то, что отказывает.

— Да, господин.

Безликий гигант извлек долгий стальной клинок, явно не предназначенный для сражений, слишком хрупкий, слишком *незапятнанный*. Он походил на инструмент хирурга, который кто-то решил использовать для торжественных церемоний.

— Ты поймешь это. Ты осознаешь, что путь твоей жизни не уникален, и поймешь, что твое существование обретает смысл, лишь становясь частью чего-то большего. Ты - модуль системы. Ты - винтик механизма.

Коленопреклоненный человек вытянул перед собой левую руку, сжав пальцы в кулак. Он по-прежнему не поднимал голову.

— Со временем ты поймешь, что эти слова истинны. Ты пожелаешь избавиться от всего, что будет напоминать тебе о прошлом. Ты забудешь, что был единственным выжившим в испытании. Даже оно само сотрется из памяти. Ты будешь помнить лишь *путь* восхождения. Ты станешь его воплощением.

Гигант встал на колени перед израненным человеком и приложил к его вытянутой руке клинок, точно между запястьем и локтем. Режущий край коснулся покрытой испариной кожи.

— Вот первый знак на этом пути. Хочешь ли ты продолжать?

Вопрос показался неуместным. Путь уже начался, и выбора не осталось. Быть может, то звучало забытое эхо старых времен, когда в обряде почему-то уделялось больше внимания личной готовности к изменениям.

— Я хочу этого, — прозвучал ответ.

Лезвие глубоко вонзилось в кожу и скользнуло вправо, оставляя глубокий и аккуратный разрез. Когда клинок покинул плоть, обнаженный кандидат почти неслышно втянул воздух, сражаясь с болью. Густая, горячая кровь текла из пореза.

Пока что он оставался смертным. Его самоконтроль ещё не был идеальным.

Великан поднялся, дал крови стечь с клинка и отступил в сторону.

— Это лишь отметка, там, где однажды будет сделан настоящий разрез, — сказал он, убирая стальное лезвие. — Встань, кандидат Морвокс. Ты уже не тот, что прежде. Теперь тебе суждено стать боевым братом Железных Рук, воином клана Раукаан - или никем.

III

Гермозатвор раздвинулся, открывая лежащий за ними просторный, уходящий вдаль коридор. Окутывавшая его тьма была почти абсолютной, за исключением нескольких факелов оранжевого пламени, отмечающих места повреждений газового трубопровода. Пол скрывался под пересекающимися ответвлениями неизвестных механизмов, а побитый ржавчиной потолок держался на массивных колоннах из черного железа.

Из теней, словно подчиняясь какой-то беззвучной команде, появились целые десятки их, раздутые и что-то бормочущие. Некоторые волокли по полу растянутые желудки, оставляя за собой блестящие полосы гноя. Другие напоминали бесформенные мешки дубленой кожи, набитые изломанными костями. Тела третьих срослись воедино, создавая омерзительные комья плоти, многорукие, многоногие, истекающие иxorом, влачащие за собой связки лоснящихся кишок. У многих виднелись когти, острые костяные наросты, странные шипы, торчащие из спин и тусклые черные зубы.

Лишь глаза объединяли этих чудовищ. Они сияли во тьме желто-зелеными звездами, лишённые зрачков, словно пустые экраны, изливающие потоки жуткого колдовского света. Как только ворота открылись полностью, эти глаза сузились в щелки, а испещренные неуклюжими швами лица с отвисшими клыкастыми челюстями скривились в ненавидящем веселье.

Они всегда сбегались к местам сражений, словно пауки к попавшим в их сети мошкам. Они жаждали драки. В их извращенном существовании не было жажды большей, чем стремление убивать.

Хамед, остававшийся пока что в относительной безопасности тоннеля, смотрел на них с привычным мерзким ощущением в животе. Он сражался с этими чудовищами много месяцев. Каждую неделю ему приходилось отступать ещё на шаг. Каждую неделю несколько десятков его солдат не возвращались в точки сбора.

И Раиф всегда знал, что в следующем бою, среди волочащейся к укреплениям орды, появятся новые чудовища в обрывках серой формы, монстры, чьи изуродованные лица ему доведется узнать.

Он сжал рукоять своего пистолета вспотевшей ладонью, не двигаясь с места, готовясь войти во тьму, как

только услышит приказ.

Но Железные Руки уже выступили вперед.

Их продвижение не было быстрым. Хамед слышал, что ангелы Императора могут сражаться подобно демонам, вихрем проносясь среди врагов, рубя, стреляя, разрывая их на части. Не в этот раз. Железные Руки спокойно пошли вперед, перестроились в линию перед воротами в темный коридор и открыли огонь из своего громоздкого оружия, стреляя длинными, идеально нацеленными очередями.

Хамеду оставалось просто смотреть. И, с каждым их шагом, он все сильнее верил услышанным когда-то легендам. Впервые за эти месяцы, в Раифе проснулась вера в то, что улей будет спасен, и тогда же он понял, что почти разучился надеяться.

Оружие гигантов стреляло не лазерными лучами и не сплошными боеприпасами, Хамед понял это после первых же залпов. Железные Руки использовали разрывные заряды, настроенные на детонацию после соударения. Стоял невероятный грохот, космодесантники вели непрерывный огонь, превращая ходячих мертвецов в склизкие, сочащиеся гноем куски плоти. Выстрелы освещали коридор подобно вспышкам молнии, выхватывая из мрака застывшие, как на пиктах, уродливые рыла мутантов.

То тяжелое орудие, что один из гигантов нес двумя руками, гремело оглушительнее всего, что Хамед слышал в своей жизни. Сам воин, заняв позицию точно в центре построения, спокойно водил стволом из стороны в сторону, словно скашивая врагов прикрепленной к нему невидимой косой.

Чудовищ не просто убивали. Их искореняли, разрывали в клочья, раздирали на лохмотья кожи, присыпанные порошком костей. Горький опыт научил Хамеда, что не каждая рана уложит мутанта, требовалось точно попасть в голову или, по крайней мере, изрешетить туловище. Гигантов не волновали подобные тонкости. Они шли по коридору, размеренно продолжая стрельбу, оставаясь в центре разрушительного вихря огня и не позволяя ни единому мутанту избежать их молчаливого, устрашающе прекрасного возмездия.

И вдруг всё закончилось. Утих сокрушительный грохот залпов, и пространство за гермозатвором вновь накрыла тьма, но Железные Руки по-прежнему не меняли стойку, держа оружие наготове. Они продвинулись до середины коридора, и все чудовища в нем были мертвы.

Хамед, ошеломленный увиденным, несколько секунд стоял без движения, прислушиваясь к звону в ушах. Опомившись и выругав себя, он вспомнил о полученных приказах.

— Следуйте за ними, — бросил он по воксу своим людям. — И делайте вид, что вы профессионалы.

Раиф переступил порог, осторожно водя стволом лазгана по сторонам, но сразу же чуть не поскользнулся. Посмотрев вниз, дженумарий понял, что пол покрыт толстым ковром булькающей, шевелящейся слизи. Часть месива под ногами была окровавленной плотью, часть казалась канализационными отходами. Рядом с сапогом Хамеда проплыло раздутое, отливающее желтизной глазное яблоко, направляясь к пенящемуся отверстию сливной трубы.

Железные Руки превратили мутантов в суп. Суп-пюре из плоти.

Сами космодесантники сейчас спокойно перезаряжались. Один из них достал что-то вроде портативного сенсора и постукал по нему бронированным пальцем.

— Раиф Хамед, эта зона очищена, — заговорил Морвокс, по голосу которого нельзя было понять, что он

минуту назад уничтожил сотню чудовищ. — Мы продвинемся к узлам 34, 45 и 47, после чего оценим изменения обстановки. Очистите этот коридор огнем и закрепитесь в нем. Шаблоны развертывания Гвардии выгружены в тактическую сеть.

— Будет исполнено, господин, — ответил Хамед, голос которого показался тихим после грохота боя. Впрочем, Железные Руки все равно не ждали подтверждений, они уже шагали вперед, направляясь глубже во мрак нижнего улья. Навстречу им доносился нарастающий шум воплей и скрежета.

Голос Намога затрещал в воксе.

— Нужна подмога, джен? — обеспокоено спросил он. — У нас куча помех прямо на вашей позиции.

— Нет, — ответил Хамед, слыша в собственном голосе отстраненность и чуть ли не беззаботность. — Нет, оставайся на позиции, у нас все в порядке. Трон, у нас *на самом деле* все в порядке.

Дальше стало сложнее. Нижние уровни долгие годы были прибежищем заразы и разложения, а мутанты не теряли времени даром, превращая их в настоящий инфекционный рай.

Стены казались живыми из-за стекающей по ним слизи, жирные блестящие наросты свисали из вентиляционных каналов, жуткие пародии на людей брели из глубин. Неважно, сколько их уже уничтожили, новые продолжали идти, широко разевая челюсти со сточенными зубами. Они кричали, словно по-детски передразнивая чужие голоса, растягивая изменившиеся голосовые связки далеко за пределы разумного. На глазах Хамеда один длинношей мутант захлебнулся собственным криком, мокрота и сгустки слизи забили ему глотку. Морвокс выстрелил, и голова существа взорвалась липкими, разлетевшимися во все стороны ошметками, гарантируя, что пронзительный вопль не зазвучит вновь.

Внешний вид тоннелей менялся по мере погружения отряда в подулье. Потолки опускались, стены становились ближе друг к другу. Жидких испражнений на полу в лучшем случае было по лодыжку, в худшем — по колено. Надежное освещение отсутствовало, только шарящие вокруг лучи с наשלемых люмен-ламп, что выхватывали фрагменты общей жуткой картины.

Каждый мутант, атакующий их, когда-то был человеком, обитателем города-улья. Каждое обезображенное лицо когда-то могло исказиться от горя или растянуться в улыбке. Техники, операторы механизмов, арбитражи, священники — никого не миновала эта судьба.

Никто не мог точно определить, когда всё началось. Первые знаки грядущего казались не очень значительными. Станции медикам жаловались на возросшую нагрузку, из шлюзов поступали сообщения о вспышках инфекций, на нижних уровнях происходили перебои с энергией, в отдаленных, слабо охраняемых районах, простирающихся до рудных равнин, вскипали беспорядки.

Власти не медлили с ответными действиями, Тральмо славилась своей предприимчивостью и никогда не пускала всё на самотек. Вводились карантинные и комендантские часы, грузы антибиотиков доставлялись в зоны заражения, устанавливались блокады контролируемых бандами районов.

К тому времени, когда 1324-й Иостарский полк Имперской Гвардии, известный также как «серорубашечники», был направлен для восстановления порядка, все уже пошло наперекосяк. Проблема со здравоохранением превратилась в схватку за выживание, и на долгие месяцы Горгон застыл в шатком равновесии.

Им не удавалось добраться до «дна» происходящего, во всех смыслах. Возбудитель, скорее всего,

скрывался в темнейших глубинах подулья, давным-давно охваченных заразой. Одному Святому Императору было известно, что обитало там, насыщая желчью и живительной силой изуродованные тела жертв инфекции.

Домыслы не интересовали Железных Рук. Они продолжали двигаться, пробиваясь сквозь колонны оборванных мутантов, словно клинок через ржавую броню, раздирая, сжигая, разрубая и разрывая. Они никогда не ускоряли шаг и не сбавляли его. Метр за метром, тоннель за тоннелем, они возвращали потерянные районы, действуя подобно немым големам из мифов.

За космодесантниками следовали смертные солдаты, воодушевленные их примером. Изможденные иостарцы вдруг нашли в себе силы сражаться на территории врага, выстрелы из лазганов стали чаще попадать в цель, опорные пункты мутантов один за другим переходили в руки наступавших людей. Пятерых Железных Рук хватило, чтобы солдаты 1324-го Иостарского с Хелажа-5 воспряли духом и обнаружили, что они крепче, чем считали сами, поддавшись отчаянию.

Они спускались с уровня на уровень, дисциплинированно и воодушевленно искореняя погань в соединительных коридорах, устремляясь к лежащим во мраке тоннелям. В арьергарде шли огнеметчики, и едкая слизь, вскипая, испарялась, а металлические стены чернели под очищающим огнем, и непотребные символы исчезали с них. Солдаты восстанавливали энергосистемы, принося свет Империи в отвоеванные его владения.

И впереди продолжали идти Железные Руки, праведные ангелы смерти Императора.

Сейчас, когда они уничтожали врагов в поистине грандиозных количествах, подобное имя подходило им как никогда.

Глаза появлялись из тьмы, словно всплывая из ледяных глубин. Мутанты, собравшись в стаю, все разом атаковали захватчиков, завывая и рыча в приступах безумной ненависти. Вблизи становились различимы их конечности, скрепленные скобами, простроченные швами, прихваченные проходящими через омертвелую кожу железными булавками, головки которых напоминали присосавшихся паразитов.

Страхнув с плеч усталость, Хамед вновь поднял лазган. Плавно двинувшись вперед, стараясь копировать экономные движения Железных Рук, он поймал в прицел ведущего мутанта. Сухо протрещал лазерный выстрел, и череп твари, пробитый между светящихся глаз, разлетелся на две половинки.

Минус ещё один.

И Раиф снова двинулся вперед, подбадривая свой взвод, не давая парням отставать. Он обводил тоннель стволом лазгана, сверху донизу, выискивая мутантов, притаившихся на потолке или готовых выскочить из канализационных стоков.

Они спустились очень глубоко. Горячий воздух удушливо вонял, не было никакого освещения, кроме дерганных лучей со шлемов, так что все солдаты окончательно переключили визоры на инфразрение. Помещение, в которое зашел отряд, ничем не отличалось от сотни очищенных прежде, такое же тесное, отталкивающее, заполненное ползучими массами гнойного ужаса.

Все это не имело значения, Хамед уже понемногу забывал, что в его жизни существовало что-то кроме тоннелей, наводненных мутантами. Очередная стая нежити неслась на них, щелкая клыками и прыгая на четвереньках, стараясь поскорее наброситься на людей. Раиф с бесстрастной эффективностью, не

торопясь и тщательно целясь, открыл по ним огонь. Он знал, что Железные Руки уничтожат основную массу врагов, и старцам достанутся отбившиеся от стаи или притаившиеся в засаде мутанты.

Обернувшись, он увидел, как три костлявых твари выскакивают из укрытия, тряся раздутыми головами на худых шеях, и, хлюпая по парящим испражнениям, несутся к левофланговому космодесантнику в построении. Каждый из мутантов тащил какое-то тяжелое огнестрельное оружие, выплевывающее целые шквалы свинца.

Наведя лазган, Хамед выстрелил, но луч прошел чуть в стороне от бегущего первым мутанта. Дженумарий выругался, сморгнул пот из глаз и прицелился вновь, но все уже было кончено.

Нельзя было сказать, что воин Железных Рук двигался быстро. Он проделал все в той же сверхъестественно основательной манере, что и его братья. Сначала, подняв свой пистолет, прежде чем тройца уродов приблизилась ещё на шаг, космодесантник всадил болт в шею ближнего к нему врага. Заряд пробил её насквозь, вырывая куски плоти, и голова мутанта повисла на растянутых сухожилиях, болт же взорвался в груди второго мутанта, разбросав осколки изуродованных ребер.

А потом гигант взмахнул мечом, этим безумным мечом с дикими воющими зубьями, разбрызгивая липкие ошметки убитых прежде тварей. Последний мутант попытался нырнуть под ним, подобраться достаточно близко для удара ржавым кинжалом в левой руке.

Космодесантник чуть изменил траекторию клинка, и цепной меч вгрызся в выставленное вперед плечо уroda, раздирая гнилые мышцы. Хлынула кипящая, пенящаяся кровь, и какую-то долю секунды мутант ещё мог визжать, но мучительная боль от вибрирующих зубьев, врезающихся в костлявое тело, заткнула его. Как и все до него, монстр в мгновение ока оказался размолот в мерзкую похлебку из телесных жидкостей, заправленную частичками костного мозга.

Выдернув меч, воин Железных Рук позволил телу своей жертвы развалиться напололам. Потом он развернулся, невозмутимо, как всегда, и продолжил двигаться вперед. Он не сказал ни слова, никак не отреагировал. Ни спешки, ни суеты.

Машины из ночного кошмара. Хамед рассмеялся. Он продолжал хохотать, шагая по топким испражнениям и вода стволем лазгана по сторонам в поиске новых целей. Дженумарий смеялся, не веря своим глазам, пораженный тем, что в мире существовали столь превосходные убийцы. Он смеялся от страха, смешанного с облегчением от осознания того, что они на его стороне. Последний раз Раиф веселился шесть месяцев назад, и его пересохшая глотка отвыкла от подобных звуков.

— Не отставать, щенки! — рявкнул Хамед в вокс-канал.

Раиф больше не боялся, в его теле бурлил адреналин, ему начинало нравиться в прогнивших тоннелях.

И это было ошибкой.

Он оказался в равной мере быстрым и сильным, покрытым бледно-коричневой шкурой, с четырьмя могучими руками, возможно, пересаженными каким-то сумасшедшим хирургом. Грузы, прибитые к раздутому подбородку, уродливо растягивали его лицо, и мокнувшие раны испещряли разорванные щеки. Дополняли образ гроздь глаз, сияющие все тем же колдовским светом.

Мутант несся по ковру испражнений, издавая собачий вой и сжимая в каждой из рук резцы, смазанные какой-то блестящей, угрожающе заразной жидкостью. За спиной создания развевалась грива длинных,

прямых волос, с окровавленных челюстей свисали нити синюшной слюны. Резко свернув, оно пробило себе дорогу через толпу изуродованных сородичей, раскидывая их, сбивая и топча ногами. Лужи крови и слизи отмечали путь грозного монстра.

Впервые космодесантники упустили главную цель, оказавшись связанными боем с целой ордой бушующих, визжащих от ярости тварей. Оружие в их бронированных кулаках не умолкало ни на секунду, выплевывая потоки реактивных зарядов, врезающихся в наступающую стену богохульной плоти.

Хамед увидел, что мутант несется к ним, и смех застрял в его глотке. Один из солдат выстрелил, и лазерный луч нашел свою цель, но не остановил монстра. Тот прыгнул, метя в центр группы столпившихся посреди тоннеля иостарцев, размахивая руками и испуская придушенный вопль наслаждения, смешанного с яростью.

Наводя прицел, Хамед резко повернулся, и его опорная нога заскользила в грязи. Дженумарий рухнул на спину, но тут же поднялся, опираясь на свободную руку, и увидел, как мутант убивает троих его людей. Он выгрызал своим жертвам горло, прокусывая броню над шеей, и отбрасывал в сторону обмякшие тела. Лазерные лучи врезались в монстра, отрывая клочья дубленой шкуры, но это не особо беспокоило его. Он неистовствовал среди иостарцев, разбрасывая выживших в стороны и не обращая внимания на их огонь. Затем, вдруг обернувшись, мутант заметил Хамеда.

И улыбнулся.

Монстр бросился на дженумария, раскинув все четыре руки. Хамед выстрелил, попав ему в грудь, и начал отчаянно отползать по грязи, пытаясь увеличить расстояние до врага. Тот пошатнулся, когда лазерный луч угодил в него, но мгновенно пришел в себя, и, наклонившись, схватил Раифа за сапог. Хамеду показалось, что его лодыжку зажали тисками, и он бешено задергал ногой, пытаясь освободиться.

Бесполезно. Мутант грубо дернул его к себе, поднимая резцы для удара, способного легко распороть живот. Пенящаяся слизь, волны которой поднял бьющийся на полу Хамед, залила его собственный визор и оставила на нем коричневую пленку.

Практически ослепнув, Раиф выстрелил наугад и услышал, как лазерный луч, пройдя мимо цели, врезается в потолок. Миг спустя мутант выбил лазган из его руки. Хамед сжался, ожидая удара отравленных лезвий, зная, что они войдут глубоко и выпустят ему кишки.

А потом что-то огромное взорвалось у него над головой, и слизь вновь пошла кругами. Тиски на лодыжке разжались, и Хамед, вскочив на ноги, протер визор от грязи.

Безжизненное тело мутанта лежало у металлической стены бесформенной грудой плоти, истекая черной кровью. Перед Раифом, перекрыв почти весь обзор, угрожающе возвышался воин Железных Рук, огромный, черный и неудержимый.

— Ты можешь сражаться? — спросил космодесантник, скрытый за личиной шлема.

Это был не Морвокс. Тон воина казался не таким металлическим, не таким отфильтрованным. Он звучал почти по-человечески, хотя был гораздо более низким и пугающим, чем любой голос, слышанный Хамедом прежде.

— Да, — отозвался он, приводя себя в порядок и наклоняясь за лазганом. — Да, могу.

— Так сражайся, — произнес гигант, отворачиваясь и направляясь обратно к отделению. В коридоре по-прежнему гремели звуки боя, новые иостарцы вставали на место сраженных мутантом товарищей, но орда раздутых кошмаров не собиралась отступать. Какофония взрывов болтерных зарядов, воплей и завываний мутантов по-прежнему не стихала.

С бешено стучающим сердцем Хамед смотрел в спину уходящему воину. Ему пришлось сжать руки в кулаки, чтобы унять дрожь.

Так сражайся. Он повертел в руках лазган, проверяя, не попала ли слизь внутрь. Привычные действия помогли немного успокоиться.

— Хорошо, — пробормотал Раиф, все ещё не до конца придя в себя. Наконец, собравшись, он вновь начал осматриваться в поисках целей. — Будем сражаться.

Шум атаки мутантов затих. Железные Руки вновь зашагали вперед, направляясь к длинной спусковой шахте. Как и прежде, они двигались с неизменной скоростью, никогда не ускоряясь и не замедляясь.

Подобные марш-броски были не для смертных солдат, нуждавшихся в периодах отдыха, пополнении припасов и внимании медиков. После долгих часов, проведенных в тоннелях, в почти непрерывных стычках с мутантами, настало время передохнуть и для Хамеда.

Сигнал от Намога, вспыхнувший на внутреннем дисплее визора, сообщил, что заместитель Раифа уже неподалеку и готов сменить командира на передовой. Хамед повернулся к космодесантнику, спасшему его в тоннеле. Тот по-прежнему оставался ближайшим к иостарцу из всей пятерки, и почему-то казалось более естественным обращаться к нему, а не Морвоксу. К тому же, тот уже почти скрылся в лежащей впереди темноте.

— Мой заместитель будет руководить огневой поддержкой, начиная со следующего узла, — сообщил Хамед, в голосе которого чувствовалась невероятная усталость. Прилив адреналина от предыдущей схватки сходил на нет, окончательно опустошая его. — Передовой отряд нуждается в ротации.

Космодесантник обратил к Раифу лицевой щиток, покрытый кровью и желчью. Подобный вид не добавлял ему человечности. Возникла пауза, возможно, связанная с переговорами отделения Железных Рук по внутренней связи.

— Мы продолжим наступление, — ответил гигант. — Прикажи сменяющему подразделению следовать за нами, вниз от данной позиции.

Уже отворачиваясь, космодесантник вдруг остановился и внимательно посмотрел на Хамеда.

— Как долго ты не отдыхал?

— Пятнадцать часов, господин. Столько же, сколько и вы.

Воин медленно кивнул.

— Пятнадцать часов... — за этим последовал странный звук из вокс-решетки. Издай его человек, это был бы смешок, неясный и хриплый. Что он означал, исходя от одного из гигантов, Хамед даже не догадывался.

— Иногда мы забываем, откуда пришли, — почти задумчиво произнес космодесантник. — Ты хорошо

сражался, человек. Передай остальным, что они тоже хорошо сражались.

Хамед на мгновение онемел, ошеломленный внезапной похвалой. Затем, неожиданно для себя вдохновившись непривычной откровенностью ангела смерти, он решил рискнуть и попытаться узнать о нем чуть больше.

— Будет исполнено, господин, но... от чьего имени передать эти слова?

И снова тот же самый звук. Раздражение? Удивление? Предостережение?

Но, прежде чем уйти и присоединиться к боевым братьям, воин Железных Рук ответил Раифу.

— Ралех. Ралех Гронд, клан Раукаан, Медуза. Назови им это имя.

— Он так и сказал?

Хамед кивнул в промежутке между глотками разбавленной стимулами воды. Ему очень нравилось выражение лица Намога, нечто среднее между неверием, страхом и недовольством.

— Я в это не верю.

Раиф поставил фляжку рядом с собой. Он сидел на старом железном ящике, сгорбившись и опустив голову, чувствуя, как путаются мысли в предвкушении сна. Вокруг было полно солдат, измученные бойцы Хамеда уступали места на передовой свежим подразделениям под командой Намога.

— Он был почти... нормальным.

— Полная чушь.

— Говорю тебе, всё так и было.

Раиф смотрел, как выжившие солдаты его взвода бредут к переходным шахтам в заднем конце коридора. Броня каждого из них была покрыта коркой грязи и крови. Некоторые не могли идти сами и безвольно повисали на плечах товарищей. Скоро он последует за ними.

— Думаю, они меняются, — глубокомысленно произнес Хамед. — Их командир, Морвокс, зашел дальше остальных. Они что-то забывают.

Намог харкнул в жижу под ногами, и плевок неторопливо поплыл к сливной решетке.

— Ты, видать, ушибся здорово, джен, — покачал он головой. — Они совсем бесчувственные. Кинут нас в мясорубку и глазом не моргнут.

— Не уверен.

— Они не люди.

— Но когда-то были ими.

— Мы для них ничто. *Расходники*.

Посмотрев на своего заместителя, Хамед понял, что тот совершенно непоколебим в своем мнении, как, впрочем, и всегда. Уродливая физиономия Намога кривилась от отвращения, смешанного с гневом и

страхом. Сложно было винить его за это, Железные Руки пугали всех, даже мутантов.

— Я не хочу верить в это, Орфен, — тихо ответил Раиф. — Они - сыновья Императора, как и мы. Мы сражаемся вместе.

— Чушь. У тебя бред начался.

— Но что их меняет? — спросил в пустоту Хамед, не обращая внимания на своего заместителя. Он вспомнил, как звучал голос Ралеха Гронда. — Почему они изменяются? Хотелось бы знать.

IV

Нож вошел в плоть его руки и двинулся дальше, оставляя за собой тонкую окровавленную полоску.

Морвокс следил за ним, испытывая почти неудержимое желание схватить ближайшего медицинского сервитора за сморщенное горло и размазать по стене аптекариона.

Предсказуемая реакция. Он подавил жажду крови, зная, что она была вызвана активностью гормонов, введенных ему во время превращения в космодесантника и усиливающих агрессивность в ответ на получаемые ранения.

Сервиторы продолжали операцию. Безразличные к треволнениям пациента, они двигались на гусеницах вокруг металлического кресла, в котором сидел пристегнутый фиксирующими зажимами Морвокс. Сыпь сенсоров покрывала их лица, сверкающие изгибами стальных пластин, а полностью аугментические руки оканчивались десятками всевозможных хирургических инструментов. Между собой сервиторы общались на примитивной форме двоичного наречия, звучавшего тихой, пощелкивающей мелодией на фоне их жуткого занятия.

Они оттянули надрезанную кожу, обнажая мускулы, и лигатуры, наложенные ниже бицепса, напряглись. Вновь опустились ножи, вошедшие в мышечную ткань.

Морвокс продолжал наблюдать. Он не отвернулся, даже когда циркулярная пила с воем вгрызлась в кость, совсем недавно выросшую в новую, улучшенную форму. Её ампутация выглядела расточительством.

Они распилили кости, и рука упала в металлические клешни сервитора. Кровь, лившаяся из обрубка, стекала в стальную емкость и испускала пар, охлаждаясь там. Сервиторы накладывали швы на рассеченное предплечье, вновь соединяя мышцы и останавливая кровь. Завизжали хирургические сверла, и предаугментические крепления охватили торчащие обломки костей. Он по-прежнему смотрел.

Впереди оставалось ещё много часов операции. Ждали имплантации несущие стержни, что должны были укрепить плоть вверх до локтя. Поддерживающим стяжкам предстояло охватить вращающую мышцу, пробив кожу предплечья. Невральные реле, нерво-разъёмы и сухожильные кожухи шли предпоследними в очереди. И лишь затем наступал черед новой руки, символа его ордена, знака верности заветам примарха и идеалам Медузы.

Он не отводил глаз до конца. Эта процедура отмечала переход от смертного к сверхчеловеку, знаменовала начало дальнейшего пути. Она должна была сделать его сильнее. Морвокс знал это, ведь железный отец Арвен Раут открыл ему истину, и сомнениям не осталось места.

И, тем не менее, понимая, что все доводы верны, Наим всё ещё не верил им. Не верил, хотя стержни уже вошли в плоть, пронзая мышцы, что спасли его на пепельных равнинах.

Однажды, подобно железному отцу, забравшему его с «Мордехая» после испытаний, Морвокс не будет помнить ни о чем, кроме эстетического императива, желания изгнать плоть, мешающую машине. Однажды Морвокс, не терзаемый более сомнениями, станет рассказывать другим об учениях Мануса, веря в них обоими сердцами, не сожалея об утрате части себя.

Но не сейчас. Пока что, он все ещё чувствовал левую руку.

Многие испытания ждали его впереди. Долгие годы Морвокс провел неофитом, познавая методы Адептус Астартес, побывав на сотне миров, совершенно разных и при этом абсолютно одинаковых.

Сначала он видел их глазами скаута, обучаясь использовать преимущества улучшенного тела, не защищенного полным силовым доспехом. Наим наслаждался тем, насколько сильными и гибкими стали улучшенные мышцы, упивался прочностью новых сухожилий. Теперь он мог бежать часами подряд, не чувствуя усталости, или целыми днями поджидать цель, не нуждаясь в пище и воде. Живой идеал, наследник полубогов.

Беспокойство росло в нем медленно. Во время схватки с зеленокожими Морвокс заметил, как проворно действует его железная конечность, как элегантно она сгибается в сокрушительный кулак, как эффективно движется в ней клинок. После этого он всегда брал оружие ближнего боя только в левую руку, доверяя её способностям больше, чем врожденным возможностям правой.

После Валанской кампании Наим, наконец, стал полноценным воином клана Раукаан. Его скаутскую броню вернули в кузни и, впервые в жизни, Морвокс был помещен в благословленную оболочку силового доспеха. Он помнил холодные касания интерфейсных узлов, подключающихся к «черному панцирю», и то, как керамитовый покров мгновенно заработал в идеальной связке с его телом.

Морвокс помнил, как шлем в первый раз опустился на его лицо, запечатывая космодесантника в коконе, надежно защищающем от окружающего мира. Он не забыл чувств, охвативших его в тот момент.

Сжимая латные перчатки в кулаки, Наим наблюдал, как движутся керамитовые пластины, скользя одна по другой в рукотворном совершенстве обводов.

— Что ты ощущаешь? — спросил знакомый голос.

Морвокс посмотрел на Раута. Всё, что он видел теперь, пересекалось строчками данных, выводимых на внутреннюю сторону линз визора.

Ответить на вопрос можно было по-разному. Он чувствовал мощь, большую, чем когда-либо. Он ощущал, что ему оказана великая, не вполне заслуженная честь, и жаждал скорее показать себя в бою. Все эти переживания нахлынули разом.

— Я чувствую... — начал он, подыскивая нужные слова.

Железный отец терпеливо ждал ответа, скрытый за собственной маской.

— Я чувствую себя... незавершенным, — закончил Морвокс, вдруг поняв самое главное. Взглянув на левую руку, он осознал всё до конца. — Незавершенным и неполноценным.

— Хорошо, — кивнул Раут.

Если Медуза была скудной планетой, заваленной отходами и утопающей во мраке, то Марс сверкал чудесами, наслаждался избытком и сиял ровным красным светом из миллиона литейных цехов, уходящих за горизонт.

Путешествие заняло несколько месяцев, которые Морвокс целиком посвятил подготовке. Он повторял наизусть описания машинных ритуалов до тех пор, пока фразы не начали приходить к нему во сне, словно выжженные на оболочке дремлющего сознания. Он до последней точки выучил записи, данные ему железным отцом, в полную силу используя эйдетические способности, приобретенные разумом после трансформации. Ко дню прибытия Морвокс чувствовал себя почти готовым к будущему, что ждало на Марсе, и предвкушал его.

Пока десантный корабль спускался в разреженной атмосфере, Наим наблюдал за разворачивающейся внизу картиной. Постепенно становились различимыми отдельные фрагменты индустриального ландшафта, скрывающего каждый метр марсианской поверхности под броней черного железа. Повсюду виднелись высокие трубы, испускающие багровый дым. Строения, массивные и мрачные, теснились друг к другу, как животные, сбившиеся в стадо. Транспортные трубы вились по корпусам гигантских фабрик, словно артерии по освежеванному трупу.

Десантный корабль заходил на посадку. Мимо проносились громадные котлованы, освещенные мерцающим сиянием магмы, собирающейся в озера на дне. Их окружали скопления гигантских очистительных заводов, мрачных, скрытых за клубящимися тучами смога. Значительные территории выглядели почти заброшенными.

К горизонту уходили равнины потускневшей стали, иссеченные траншеями и усеянные цитаделями техноколдовства. Кое-где виднелись леса, высотой не уступавшие шпилям города-улья, внутри которых неторопливо шла сборка циклопических машин войны - сверхтяжелой бронетехники, титанов, даже звездолетов.

Перед тем, как десантный корабль опустился в железные объятия стыковочной люльки, Морвокс бросил последний взгляд на марсианский ландшафт. Вблизи становилось ясно, что каждая поверхность покрыта слоем красной пыли, металл под которым почернел от времени и коррозии. Вокруг не было видно ничего живого, все выглядело *демонстративно* искусственным.

Морвокс решил, что это прекрасно.

Стоило его челноку пристыковаться, как двери воздушного шлюза с шипением растворились. За ними виднелся глубокий, будто пещера, зал, освещенный длинными, тускло-красными неоновыми лампами. В сухом воздухе пахло ржавчиной, а из каких-то подземных кузниц доносились удары молота.

Одинокая фигура, в некотором отношении человеческая, ждала за дверями. Темно-зеленый балахон скрывал нечто, напоминающее скелет из пластали, а под широким капюшоном виднелся лишь длинный железный хобот, испускавший хриплое дыхание.

Инфопоток шлема снабдил Морвокса дополнительными данными, из которых следовало, что перед ним

магос, пополнившая ряды марсианского жречества в 421.М38, когда её имя звучало как *Северина Мавола*. Также он узнал, что уровень аугментированности магоса составлял 67 процентов, и что она не вступала в голосовое общение около столетия.

Кроме того, когда-то женщина писала стихи, подражая манере Эрвеля Жо, но Наим сомневался, что она осталась верна старому увлечению. Служба Богу-Машине требовала полной самоотдачи.

+Наим Морвокс,+ произнесла Мавола на двоичном наречии с явным марсианским акцентом. *+ Добро пожаловать на Марс. Надеюсь, ваше путешествие было эффективным +.*

Весьма немногие из тех, кто не относился к Адептус Механикус, могли напрямую общаться с магосом, решившим говорить на языке своей касты. Большинству приходилось полагаться на посредников или переводящие когитаторы.

Железные Руки здесь, как и во многих других отношениях, отличались от большинства.

+Весьма эффективным, магос,+ ответил Морвокс. *+Я стремлюсь начать обучение+.*

Мавола жестом пригласила его следовать за ней.

+Вы хотите стать железным отцом,+ начала она, направляясь вместе с Наимом вглубь огромного зала. По её плавной походке невозможно было догадаться об искусственности мышц под балахоном. *+При этом вам известно, что процесс обучения труден.+*

+Будь всё легко, к должности не стоило бы и стремиться.+

+Вы проведете на Марсе десять лет. За это время многие ваши боевые братья погибнут, и, вернувшись, вы найдёте Медузу изменившейся.+

+Я знаю.+

Магос остановилась. В огромном плавильном котле за её спиной бурлил жидкий металл. Великаны-сервиторы, некоторые размером с «Часового», аккуратно наклоняли тигель, готовясь начать заливку разложенных внизу форм.

+Мы откроем вам тайны, недоступные воинам прочих орденов Адептус Астартес. Это знак того, что механикумы почитают память Мануса, и, да будет вам известно, не требуют за обучение почти никакой платы.+

Морвокс внимательно посмотрел на магоса.

+Почти?+

Объяснений не последовало. Развернувшись на месте, Мавола вновь зашагала по залу своей плавной походкой.

+Пойдемте же к кузням,+ бросила она.

По его возвращению на Медузу, случившемуся почти через одиннадцать лет после отбытия, оказалось, что слова магоса были правдивы. Клан Раукаан почти все это время провел в сражениях, и многие хорошо знакомые Морвоксу боевые братья обрели Покой Императора. Железный отец Арвен Раут теперь

возглавлял клан.

Для возмещения потерь в рядах братьев, многие кандидаты были собраны со всей планеты за прошедшие годы. Один из них, новобранец по имени Ралех Гронд, получил приказ сопровождать Морвокса к назначенному месту встречи с Раутом. Левая рука юноши, как и все его тело, ещё не имели и следа аугментики. Наим не мог понять, завидует он ему или нет.

Гронд вышел, оставив Морвокса и Раута одних в святой святых землекода «Диомед». Оба не снимали доспехи, но командир клановой роты был без шлема, и дорожки стальных вкраплений на покрывающей череп синтетической коже напоминали печатную плату.

— Обучение прошло успешно? — спросил он.

— Да, насколько я могу судить, господин. Отчеты механикус выгружены в инфосеть.

— Много новых модификаций?

Морвокс поднял правую руку, и керамит наруча скользнул назад, открывая пустоту под собой. Казалось, что все содержимое предплечья выскребли, а оставшуюся оболочку расчертили нанотронными схемами. Раут внимательно осмотрел аугментацию.

— Необычно, — заключил он. — Какой цели они хотели достичь?

Стоило Наиму опустить руку, как керамитовое покрытие со щелчком встало на место. Снаружи теперь невозможно было усмотреть ничего странного.

— Механикус мне не сказали.

— Ни слова?

— Ни одного. Предполагаю, что всё прояснится со временем.

Раут кивнул.

— Они ничего не делают без причины. Что-то ещё?

— Нет, я готов служить. Слишком много времени провел вдали от сражений и сейчас стремлюсь испытать на деле новые умения.

— Но ты ещё не железный отец, — предупредил Раут.

— Знаю. Перед тем, как покинуть Марс, я попросил магоса предсказать, когда придет этот день. Она дала мне определенный ответ.

Арвен поднял бровь. Этот человеческий знак удивления казался странным на лишенном эмоций лице.

— Магос сказала, что на мне лежит долг перед Марсом, — продолжил Морвокс. — Что механикумы не расстанутся со своими секретами задаром. Придет время, когда долг будет уплачен, и тогда я заслужу право называться железным отцом. По крайней мере, в их глазах.

— Какое уверенное предсказание. И что же ты им должен?

Морвокс посмотрел на свои ладони. Теперь обе они стали металлическими внутри и снаружи, как и большая часть его конечностей, и процесс аугментации после этого должен был пойти ещё быстрее.

Наим понемногу забывал жизнь на равнинах, время, когда он был всего лишь человеком из плоти и крови. Все, что оставалось – двигаться вперед, к далекому совершенству, как его и предупреждали в начале пути.

— Я не знаю, — ответил он.

V

В подулье время определяли только по хронам. Там не улыбалась заря, принося солнечный свет, и не опускалась темнота, отмечая наступление ночи. Существовал лишь бесконечный цикл искусственного освещения, обеспечиваемого неяркими люменами и мерцающими пикт-экранами.

Их осколки сейчас усыпали пол, и давящая тьма казалась бездонной и вечной. Солдаты считали время в отрезках, проведенных на передовой, долгих наступлениях на врага. Лишь тиканье хронов, напоминающее стук маленьких сердец во мраке, отмечало срок их пребывания в подземельях.

Четыре дня прошло по среднехелажскому времени до того, как они встретились с чудовищем. Четыре дня выматывающего, однообразного и опасного продвижения в глубины улья видели больше смертей, чем предыдущий месяц, проведенный в истощающей силы обороне.

Наступление вели Железные Руки, и передышек ждать не стоило. Они прорывались с боем через спусковые шахты, очищая их пламенем огнеметов и бросая гранаты в скопления верещавших мутантов. Затем вступали болтеры, и разрывы их зарядов превращали изъеденную заразой плоть в кровавую кашу. Космодесантники продирались сквозь заросли цепких рук, рассекая их ударами цепных мечей. Порой Железные Руки обходились без них, могучими латными перчатками выдавливая остатки полужизни из своих жертв. Порой они не вступали в ближний бой, сокрушая черепа или раскалывая коленные чашечки меткими попаданиями болтов. Вне зависимости от избранной тактики, их враги всегда умирали.

За космодесантниками следовали иостарцы, изможденные, потрепанные смертные, подчищавшие мутантов, сумевших ускользнуть от гнева полубогов. Периоды отдыха и боев сливались, чувство времени на передовой уходило в небытие, но они продолжали наступать, углубляясь в нижние уровни улья и приближаясь к эпицентру заражения.

Хамед почти всегда действовал на острие атаки, за исключением времени, отведенного на сон. Чем больше он сражался рядом с космодесантниками, чем дольше наблюдал за ними, тем сильнее ненавидел часы вынужденного отсутствия на передовой. Теперь Раиф понимал, что легенды, окружающие этих воинов, не возникали на пустом месте, и, впервые в жизни, восхваления, прочтенные в инфосети, не казались ему смехотворными. Исчез страх, терзавший Хамеда с тех пор, как он узнал, что очищением улья Горгон займутся Железные Руки. Теперь он относился к ним с осторожным восхищением.

Конечно, они выглядели зловеще, звучали ещё хуже, сражались безжалостно и непрерывно, но ведь именно это и требовалось от космодесантников. Редко говорили и с трудом терпели слабости смертных, но Хамед не мог винить их за это. На месте Железных Рук он вел бы себя точно так же.

Раиф старался оставаться поближе к Гронду, и за время боев они обменялись несколькими фразами, необходимыми для координации действий космодесантников с иостарцами. Казалось, что Морвокс делегировал своему подчиненному ответственность за общение со смертными, и Хамеда это вполне

устраивало. Громадный Ралех при всем желании не мог бы сойти за рядового обитателя улья, но в его голосе хотя бы звучали человеческие нотки.

Возможно, они были всего лишь игрой воображения. Возможно, под шлемом Гронда скрывался калейдоскоп шестерней и диодов.

Но Хамед не верил в это. Не совсем.

Завершилось очищение очередного жилмассива, и языки пламени понемногу угасали. Жилые модули разевали пасти пустых дверных проходов на Хамеда и Гронда, шагавших к дальнему концу главного переходного коридора. Их подошвы скрипели на истолченных костях.

— Мой заместитель по-прежнему вас не переваривает, — сообщил Раиф.

Гронд не ответил. Его доспех, покрытый слоем грязи, при лучшем освещении показался бы темно-коричневым.

— Он слышал... истории, — продолжил дженумарий, зная, что ходит по краю. — Рассказы о Контквале.

Сбился ли космодесантник с шага, хотя бы на кратчайший миг? Может, и нет, сложно было сказать.

— Говорит, что вы убили каждого третьего, уже после окончания боев. Это правда?

Гронд, немного пройдя вперед, остановился и медленно повернул массивную бронированную голову.

— Предположим, что да. Ты не одобряешь наших действий, человек?

Хамед, гадая, не шагнул ли он за край, поднял глаза на безразличный лицевой щиток.

— Меня там не было.

— Именно. Тебя там не было. Ты здесь, и не утруждай себя мыслями об иных мирах. О них позаботится Император. О них побеспокоимся мы.

Голос Ралеха звучал весьма холодно, и Хамед тут же пожалел о заданном вопросе. Ему стало стыдно собственной глупости.

— Я прошу проще...

Гронд поднял руку, прерывая человека. Сперва Раиф решил, что окончательно надоел космодесантнику, но тут же понял - воин прислушивается к сообщениям по внутреннему каналу.

— Собирай своих людей, — приказал Гронд, вновь зашагавший к выходу из жилмассива.

Хамед перешел на бег, поспевая за Железной Рукой.

— Что произошло?

— Морвокс обнаружил цель.

Двумя уровнями ниже, во влажной жаре, слышался хрип противогазов, всасывающих липкий, бедный

кислородом воздух. Дышать приходилось с усилием, фильтры быстро забивались частичками взвеси. Слизь покрывала стены целиком, сглаживая неровности металла и мерцая бледно-зеленым светом там, где на её вязкую, испещренную сочащимися язвами поверхность падали лучи нашлемных фонарей.

Вниз приходилось пробиваться с боем, мутанты, забившие своими телами узкие пространства переходных коридоров, дрались с удвоенной яростью. Уроды бросались на клинки Железных Рук, надеясь просто задавить врагов числом.

Космодесантники продолжали спокойно идти навстречу несущейся волне плоти, не прекращая стрелять. Громыхали болтеры, оставляя зияющие дыры в болезненных телах, и по коридорам неслись горловые вопли, сдавленно булькающие мокротой. Солдаты Хамеда все так же поддерживали наступление, добывая везучих одиночек, избежавших ярости болтерных зарядов.

Мутанты меньших размеров мелькали под градом выстрелов, ощерив зубы и сверкая дикой злобой в глазах. Однажды Раиф успел заметить такого, стремглав выскакивающего из темного, устланного слизью уголка. Существо бросилось на одного из солдат, но Хамед снял мутанта метким выстрелом, отбросившим его в стену напротив. С тошнотворным хлюпаньем небольшое тельце врезалось в липкий покров и медленно сползло в булькающие под ногами миазмы.

Раиф постарался не обращать внимания на косички, уцелевшие на почти облысевшем черепе, и на обрывки платица, колыхнувшиеся напоследок в поглотившей их грязи.

Они продолжали идти, шаг за шагом прорубая дорогу в толпах мутантов, и, наконец, добрались до сердца вторжения.

Перед ними открылся обширный зал, знакомый Хамеду по чертежам. Это был древний бункер Адептус Механикус, заброшенный ещё в те времена, когда жизнь в Горгоне шла своим чередом. Он располагался в сердцевине подулья, как и многие другие забытые отзвуки далекого прошлого. Когда-то, быть может, тут сновали техножрецы, занимаясь... тем, чем они обычно занимались в своих странных производственных святилищах.

С тех пор все изменилось. Высокая крыша бункера дрожала от пульсации жил, по которым текла желчь, один цвет которой вгонял в дрожь. Пол под ногами превратился в широкое шестиугольное болото. Витые нити чего-то, напоминающего слюну, свисали с потолка, а в воздухе плавали крошечные вертящиеся споры.

Ряды мутантов бросились в атаку, шлепая по топкой грязи, бугристые, раздутые создания, плотно обтянутые кожей. Оружием им служили ржавые куски металла, кое-кто тащил трофейные лазганы. Твари завывали, словно от вожделения, смешанного с мучительной болью, и отталкивали друг друга в стремлении поскорее добраться до врага.

Но не воющая орда приковала взгляд Хамеда.

— Без паники! — призвал он по каналу связи.

Его солдаты, перестроившись, выбрали цели. Затрещали выстрелы из лазганов, которым ответили новые вопли и булькающие крики. Сраженные мутанты валялись в слизь, но они были всего лишь пушечным мясом, живым щитом того, что возвышалось позади.

Чудовище было огромно, оно заполняло своим раздутым телом дальний конец зала, возвышаясь чуть ли не до потолка. Сквозь прозрачную кожу виднелись опухоли, пульсирующие в заполненных гноем

полостях. По виду тварь напоминала отвратительного опарыша, извращенного и разросшегося в настоящую гору дрожащей, поблескивающей плоти.

Бесформенное раздутое лицо, покрытое язвами, опиралось на склизкие холмы жира. Оно казалось неуловимо человеческим, хотя и с кошмарно искаженными чертами лица. Одиноким покрасневший глаз, непрерывно слезясь, тарачился из белого мяса. Рот, распахиваясь куда шире, чем должен был, открывал концентрические круги зубов и толстый, стегавший по воздуху язык.

Множество отростков торчали из разбухшего туловища, часть щупалец кончалась жадными присосками, остальные затвердевали в острые клешни. Все они тянулись к Железным Рукам, надеясь захватить опаснейших врагов.

Крики чудовища напоминали вопли, издаваемые его меньшими сородичами, но звучали ещё неприятнее, на высоких, почти неслышимых тонах, в жуткой пародии на женский голос.

И ещё тварь воняла. Смерд казался удушающим даже через фильтры шлема, и, Хамед пытался командовать, постоянно смаргивая слезы из глаз. Он заметил, что Гронд атакует чудовище, окруженный боевыми братьями. Железные Руки, без малейшей заминки, не прекращая вести огонь из болтеров, приближались к новому врагу. В раздутых боках твари возникали дыры, прозрачная кожа лопалась от попаданий, и из ран хлестала густая, дымящаяся желтая жижа. Окатывая черную броню космодесантников, она, словно кислота, растворяла слой грязи, засохшей на керамите за последние дни.

— Вперед, за ними! — проревел Хамед, чувствуя, как колотится сердце.

Он был напуган, мышцы словно онемели и не хотели повиноваться. Паника шевелилась в кишках, и Раиф изо всех сил старался справиться с ней. От чудовища исходили болезненные волны, столь мощные, что им почти удалось захлестнуть дженумария.

Командир сжал зубы, зная, что его люди чувствуют то же самое. Эта схватка воплощала то, что хотели показать им Железные Руки. *Ужас может быть побежден.*

— За Императора! — прокричал Хамед, переключая лазган и выпуская очередной потрескивающий луч. Тот попал в лицо подбегающему мутанту, вырвав щеку и обнажив гнилые сухожилия на костях. — Сражайтесь, щенки! Сражайтесь!

Железные Руки вступили в ближний бой, обнажив мечи, и клинки, подсвеченные блеском разрушающего поля, засияли во тьме. Впервые из движений космодесантников исчезло единообразие, каждый из них теперь вел свой бой, уклоняясь от взмахов щупалец и прорубаясь сквозь слои отвисшей плоти. Воины хранили молчание, двигаясь со спокойной уверенностью и с ювелирной точностью взмахивая клинками.

Чудовище оказалось первым противником, действительно способным бросить им вызов. Хлеща отростками и щелкая клешнями, оно атаковало в ответ, и один из космодесантников, пропустив мощный тычок, оказался сбитым с ног. Прокатившись по слизи, воин оказался посреди окруживших его мутантов, принявшихся резать и рубить черную броню.

Гигант мощным рывком вскочил на ноги, разбросав прогнившие тела, болтер прогремел в его руках, описывая четкую дугу, и ошметки мутированной плоти взлетели в воздух. Мгновение спустя космодесантник вновь вступил в бой с чудовищем, столь же безмолвный, столь же неумолимый. За прошедшие секунды ещё двоим Железным Рукам пришлось уйти в оборону пред лицом яростного отпора, данного им раздутым воплощением кошмаров.

Хамед с осторожностью приближался к сражающимся великанам, продолжая размеренно вести огонь из лазгана. Весь его взвод теперь находился в бункере, стены блистали, отражая пламя их выстрелов, и, кажется, впервые за всю совместную кампанию иостарцы действительно помогали космодесантникам. Орда меньших мутантов быстро редела, не в силах помочь громадной твари.

— Цельтесь в... *это!* — рявкнул Раиф, пробираясь к цели по липкой грязи, заливающейся за голенища сапог.

Пучки лазерных лучей сошлись на чудовище, прожигая шкуру и вонзаясь в трясущийся эпидермис. Тварь взывала от новой боли. Сами по себе лучи лазганов вряд ли сильно навредили бы ей, но, сочетаясь с яростными ударами мечей и разрывами болтов Железных Рук, они определенно наносили урон.

Отступившие или сбитые с ног космодесантники вырвались из плена щупалец. Один из них – кажется, Морвокс – нанес удар в складки шейной плоти, глубоко рассекая их потрескивающим силовым клинком. Другой отсек смертоносную клешню с оконечности щупальца одним жестоким ударом меча.

Медленно и целеустремленно, они убивали чудовище. Оно выпускало крючья из щупалец, хватая врагов за шею, руки и ноги, но космодесантники отрывали их от себя. Едкая, жгучая желчь лилась из пасти твари, расплескиваясь по неприступной броне и стекая наземь склизкими водопадами. Тяжелый болтер продолжал свой громогласный, размеренный рев, в который врезалось стаккато болт-пистолетных выстрелов.

Остатки толпы меньших мутантов на глазах теряли сплоченность. Они уже не атаковали солдат, а просто бездумно бродили по бункеру.

— Выбрать цели! — кричал Хамед. — Стрелять в голову! Не прекращать огня по чудищу! Не давать ему...

И тут, в одно мгновение, все закончилось. Гора плоти словно свернулась в комок вокруг своей дрожащей сердцевины. Вопль достиг новых высот отчаяния, пронзенного нотками ненависти. Тварь задрожала в агонии, тряся щупальцами и истекая кровью из безвольно повисших челюстей. Сотни ран на её теле сочились непрерывным потоком студенистых опухолей. Болты продолжали терзать её. Мечи все так же вонзались в плоть, треща рядами разрушающих полей.

Лицо чудовища побелело, единственный глаз безумно тарачился на врагов, едва не выпрыгивая из глазницы. На бледной шкуре выступила багровая сетка жил, натянутых и дрожащих в последние мгновения перед гибелью.

Ещё секунду тварь корчилась в агонии.

Одну лишь секунду.

А потом взорвалась.

Чудовище разлетелось на куски, сотрясая бункер до основания. Волны мягкой плоти прокатились по залу, словно приливная волна, прежде чем осесть на склизких стенах. Скользкие осколки хрящей, размером с кулак, осыпали солдат. Обрывки кожи взмыли под потолок, словно сорванные ветром паруса, оставляя за собой струи крови и гноя. Полусформированные органы, взлетев в воздух, распались на ломти дрожащих тканей.

Ураган плоти сбил Хамеда с ног, так же, как и большинство его людей. Раиф грузно рухнул на спину, сверху его накрыл град из ошметков твари, а снизу, через щели в броне, потекла горячая жижа.

От омерзения дженумарий тут же вскочил на ноги, стряхивая слизистую гадость, и протер визор от грязных дорожек, оставленных чем-то красным.

Перед собой он увидел воронку из студенистой плоти, усеянной липкими шариками нервных окончаний и лимфоузлов. Подергиваясь, она извергала потоки какой-то жидкости, вливавшейся в болотную слякоть на полу.

Посреди останков твари стояли пятеро Железных Рук, с брони которых стекала густая грязь. Их оружие молчало. Впервые за все эти дни, не было слышно воя мутантов. Тишину нарушали только отзвуки взрыва и бульканье кровавого прилива у стен бункера.

Хамед смотрел на космодесантников, ощущая слабость в переутомленном теле.

— Трон... — прошептал он, с трудом веря своим глазам. — Трон Земли...

Осмотревшись, он увидел, что выжившие иостарцы тоже с трудом держались на ногах. Все они были измождены, некоторые солдаты просто рухнули на пол и бессильно лежали в поганой воде. Но, несмотря на это, несмотря ни на что, почти все остальные его люди излучали гордость, большую, чем в любой момент прошлых шести месяцев. Они понимали, что совершили.

Широкая улыбка расплзлась по перепачканному лицу Хамеда.

— Намог, — сообщил он по воксу, перебрасывая лязган за плечо, — тащи вниз своих ребят.

— Как успехи? — голос заместителя звучал обеспокоенно.

— Весьма неплохие. Давай сюда, и побыстрее.

Оборвав связь, Раиф похромал в сторону Железных Рук. Все пятеро воинов собрались посередине гигантского трупя чудовища, четверо из них, включая Гронда, спокойно перезаряжали оружие. Пятый, судя по доспеху - Морвокс, зарылся глубоко в кучу сожженной плоти и что-то сосредоточенно искал среди вороха мокнувших в грязи кишок.

— Примите наши благодарности, господин, — все так же улыбаясь во весь рот, обратился Хамед к Ралеху Гронду. — Мы никогда бы не сумели одержать такую победу одни.

Воин даже не повернулся в его сторону. Он продолжал напряженно следить за изысканиями сержанта, как и трое других. Заинтригованный, Хамед уставился туда же.

Прошло ещё немного времени, и Морвокс, кажется, преуспел в своих поисках. Он выпрямился, сжимая что-то в левой руке. Это была трубка из какого-то темного металла, длиной около двадцати сантиметров, скругленная по краям. На ней имелись какие-то обозначения, но Хамед не сумел отчетливо разобрать их в полумраке бункера.

Повернувшись, Морвокс направился в их сторону. Тут же часть брони над его предплечьем открылась, наруч разъехался в стороны, открывая пустоту вместо правой руки. Сержант вставил трубку в углубление и защелкнул над ней керамитовую оболочку.

Хамед замер, и, не понимая отчего, вдруг ощутил беспокойство. Железные Руки не упоминали о том, что в их миссию входит поиск какого-то объекта в подулье.

— Что это, Гронд? — спросил он.

Вместо Ралеха ответил сам Морвокс.

— Наша работа здесь окончена, смертный, — донесся его металлический голос, такой же до жути тонкий, как и всегда. — Десантный корабль вызван с орбиты. Очищение завершено.

На мгновение Хамед не поверил своим ушам. Он не мог подобрать слов для ответа.

— Но, господин, со всем уважением... — начал Раиф. Его прежняя эйфория сменилась ледящим ужасом. — Сотни мутантов все ещё живы, мы зачистили меньше половины зараженной территории. Тут может быть больше таких тварей. Вы нужны нам.

Мрачный лицевой щиток Морвокса склонился над ним, и Хамед вдруг понял, что все остальные Железные Руки тоже смотрят на него. Они молчали, напоминая статуи в соборе, безучастные и безразличные, холодные и мертвые.

— Ты *требуешь* чего-то от нас, человек? — поинтересовался Морвокс. В его вопросе не прозвучало никаких эмоций, но Раиф все равно ощутил беспримесную, смертельную угрозу. Дженумарий сглотнул, бессильно сжимая кулаки. Появилось нелепое ощущение, будто он - ребенок, который мешается под ногами у взрослых и заставляет обратить на себя внимание. Не сдаваясь, Раиф неожиданно нашел в себе силы возразить.

— Никаких требований, — ответил он, раздраженный тем, как робко прозвучал его голос, — но, господин, мы не сумеем уничтожить оставшихся врагов собственными силами. Вы не можете бросить нас сейчас.

— Ты говоришь так, словно *ваша* битва здесь - единственная наша забота. Ты ничего не знаешь о войне, что полыхает в Галактике. Ты ничего не знаешь о том, что требуется от нас. Если вы хотите заслужить спасение, то сдерживайте врага на своей земле. Император защищает тех, кто не сдается.

А потом Морвокс просто обошел Хамеда и отправился назад по пути, которым прибыл в бункер, вверх через тысячи шахт и коридоров, к необитаемым зонам на вершине шпиля. Воины его отделения, один за другим, поворачивались и следовали за сержантом.

Раиф в отчаянии смотрел на уход Железных Рук. Он знал - и был уверен, космодесантники тоже это понимали - что оставить защитников улья сейчас значило почти уверенно обречь их на гибель. Мутанты вновь соберутся в стаи. Смертные солдаты не могут в одиночку противостоять ужасам, все ещё обитающим в подулье, последние шесть месяцев не раз это доказывали.

— Гронд! — крикнул Хамед, пытаясь схватить за руку воина, спасшего ему жизнь. — Неужели вы это всерьез? Улей может быть очищен! Не оставляйте нас! Император Милосердный, не покидайте нас!

Ралех Гронд бросил на него один лишь взгляд. Хамед посмотрел вверх, на собственное неясное отражение в линзах шлема, и понял, что не имеет представления о том, что за создание скрывается под этой маской. Никакого представления.

— Ты можешь сражаться? — спросил космодесантник.

Это был риторический вопрос, и Хамед знал ответ на него. Возможно, во время их первого разговора Гронд пытался предупредить человека о чем-то подобном. Железные Руки ценили только лишь силу.

Циничный старина Намог был прав. Прав с самого начала.

Хамед опустил голову, и его пальцы соскользнули с наруча космодесантника. Снизу уже доносился скрежещущий шорох, мутанты готовились возобновить атаки.

Не оборачиваясь, Гронд присоединился к боевым братьям, и вместе они направились к выходу мимо иостарцев, не обращая внимания на неверящие взгляды людей. Звуки тяжелых шагов Железных Рук медленно стихали, пока они поднимались вверх, минуя один соединительный коридор за другим.

Хамед поднял взгляд лишь после того, как в бункер ворвался отряд Намога.

— Что здесь творится? — потребовал объяснений его заместитель. — Мы только что промаршировали мимо твоих любимых космодесантников, которые наступали не в ту...

Намог вдруг заткнулся. Убитое выражение лица командира поведало ему о случившемся лучше любых слов.

— Мы сами по себе, — опустошенно произнес Хамед.

На секунду Намог утратил дар речи. Он посмотрел на Раифа, потом наверх, куда отправились Железные Руки, затем опять на Раифа.

— Эти... ублюдки, — выплюнул он. — Эти... проклятые... ублюдки.

Солдаты в зале, все, кто слышал разговор командира с Морвоксом, начали на глазах превращаться в развалины самих себя. Кто-то просто безвольно осел наземь, смотря пустыми глазами в никуда. Кто-то заплакал. Ни один из них не бросился бежать, ведь бежать было некуда.

Намог сумел немного успокоиться и теперь упирался взглядом в Хамеда. Из-за глубокого возмущения он сбился на скороговорку.

— Что делать-то, джен? — выпалил он. — Что мы Тральмо скажем? Что я парням своим скажу? Святая Терра, да о чем они думали, когда вот так взяли и свалили? На кой хрен вообще прилетали, если не собирались работу до конца доводить? Что делать?!

Хамед внимал ему вполуха, все равно у него не было ответов на вопросы заместителя. Он прислушивался к воплям жестокого вождения и ярости, доносившимся из тоннелей под ногами. Мутанты приближались. Скоро они ворвутся в зал и бросятся на людей, расплескивая слизь, сверкая горящими яростью глазами.

Глубокая, обессиливающая усталость сковывала Раифа. Ноющая боль терзала тело. Он загнал себя до предела перед последним боем, и сил просто не оставалось.

Мы для них ничто. Расходники.

— Собирай людей, — приказал он, снимая с плеча лазган и проверяя уровень заряда, — будем оборонять позиции тремя уровнями выше. Подтяни резервы, если удастся вовремя закрыть гермозатвор, сможем протянуть некоторое время.

Намог посмотрел на него, как на безумца.

— Думаешь, мы их сдержим? На самом деле решил, что у нас есть какой-то шанс? Что поменялось за эти четыре дня?

Его командир угрюмо покачал головой.

— Ничего не изменилось, Орфен. Ничего, кроме, возможно, одной вещи.

Он посмотрел вдаль, в сторону воняющих останков твари и тоннелей, лежащих за ними. Оттуда катились волны бессмысленного безумия, которому наплевать на вызов, что смогут бросить ему люди. Ему наплевать на всё. Оно просто продолжит наступать.

Ты можешь сражаться?

— Теперь я понимаю, как работает вселенная, друг мой, — мрачно произнес Раиф Хамед. — В какой-то момент я рискнул понадеяться, что все иначе. Поверил, что это место может иметь какое-то значение для них. Что мы можем иметь значение.

Он горько усмехнулся.

— Лучше умирать, зная правду, не так ли?

VI

Зонд совершил эффективный на 98 процентов спуск с орбитальной платформы 785699 к приемной станции, расположенной в секторе 56-788-DE Кузни 34-Ксанфа мануфакториум/схола/астартес. Статистические логи были выгружены в инфосеть и интерпретированы обычной бригадой лексмехаников, после чего три обнаруженных отклонения подверглись исправлению и вошли в границы допустимого. Это привело к повышению оценки эффективности спуска на два процентных пункта, к удовлетворению всех вовлеченных в анализ.

Извлеченное из стыковочной клешни содержимое зонда было затем перемещено сервитором на девятнадцать уровней вниз, мимо основных литейных зон, в компактный узел священных объектов, который в данном секторе по-простому называли 1EF54A.

После этого груз успешно прошел нагрузочное тестирование на содержание вредоносного кода и был передан техножрецам, обернувшем его тремя слоями пылеотталкивающей ткани, на коей был выткан золотой нитью знак Бога-Машины.

Облаченный подобным образом, груз сменил ещё шесть пар рук, лишь в двух случаях имевших следы органической плоти на костях. Множество тестов было проведено, и немало лабораторных фолиантов заполнено, и записи о том внесены в основные перечни.

И затем, наконец, груз достиг места назначения. Он упокоился на обсидиановой крышке стола, в покоях, освещенных тускло-красными неоновыми лампами. Долгое время груз лежал там, не потревоженный никем.

Несколько местных суток спустя магос-техникус Йи-Ме, некогда носившая имя «Северина Мавола», вошла в покои, подошла к столу и осторожно развернула ткань. Ей открылась глянцевая трубка, на поверхности которой играл свет люменов.

Йи-Ме долго рассматривала её, используя как базовые оптические аугментации, так и семнадцать дополнительных сенсоров, встроенных в её пластальной череп.

Глубоко внутри магоса, в той части тела, что ещё оставалась относительно нетронутой за долгие годы биохирургии, расцвело насыщенное чувство наслаждения. Будь у Йи-ме губы, она бы обязательно улыбнулась.

Артефакт обладал мощью. Если подтвердятся данные, полученные в итоге предварительных тестов, то эта мощь превысит даже ожидания магоса. Он определенно подойдет для исполнения её ближайшего замысла, и, быть может, с ним она воплотит в жизнь ещё немало будущих идей. Как повезло, что артефакт был обнаружен. Как повезло, что его удалось добыть.

Магос склонила голову, беззвучно признавая заслуги того, кто однажды был её учеником.

+ *Оплачен долг*, + продекламировала она, зная, что он не сможет услышать, но все равно наслаждаясь иронией подобного «общения». Такие обороты речи всегда отличали манеру Эрвеля Жо, поэзия которого нравилась ей до сих пор. + *Наим Морвокс, отец железный – оплачен долг твой до конца.*+

Сотня миров. Все разные, и все одинаковые. Я приношу им свет Императора, зная, что любой враг, встреченный мною в бою, может стать для меня последним, но одно событие неизменно возникает в памяти. Хелаж-5, улей Горгон. Я вспоминаю смертного, увиденного там, по имени Раиф Хамед. Порой его лицо всплывает даже в моих снах. Он многого ждал от нас, позабыв страх первой встречи. Мы никогда не смогли бы соответствовать образу, возникшему в его разуме, даже обладая вечностью времени и бесконечными ресурсами для войны. И, несмотря на это, я покинул его планету, будучи в сомнениях, которые никогда не обсуждал с Морвоксом. Сержант не потерпел бы пререканий, и тогда он ещё не был железным отцом. Мне казалось, что наша работа не доведена до конца, хотя мы достигли цели и обрели артефакт. Я помню, как сражались смертные, как они обретали новые силы, видя нас рядом с собой. Во время варп-перехода, когда сны всегда становятся особенно яркими, я слышал, как они молят нас вернуться. Возможно, то были их предсмертные крики. Мы не вернулись. Не знаю, какая судьба ожидала их. Быть может, они победили. Быть может, они проиграли. Долгие годы это беспокоило меня. Сейчас – нет. Я осознал правильность поступка Морвокса. Тогда он уже был очищен от чувств, так же, как однажды очищу и я. Он видел великое за малым, и следовал за ним. Такова Галактика, в которой мы обитаем. Решимость спасет нас, чувства – погубят. И поэтому мы позволяем себе стать этим. Мы позволяем себе стать машинами. Мы – результат процесса, ведомого необходимостью. Альтернатива ему – слабость. Сейчас я понимаю это. Я вижу истину в том, что поведал мне Морвокс. Возможно, на Хелаже я сомневался в последний раз. Сейчас я сильнее, я чувствую неполноценность в себе и стремлюсь искоренить её. Со временем, будь на то воля Императора, я отправлюсь на Марс и познаю тайны Машины, как то сделал Морвокс. Но пока я не готов. Сейчас все ещё остается слишком много от бывшего «меня», подверженного разложению. Плоть по-прежнему мешает прогрессу машины. Я по-прежнему ощущаю призрак своей руки, той, что они отняли в знак моего вознесения в Раукаан. Гораздо слабее, это так, но ощущаю все равно. Я желаю больше никогда не чувствовать её. Хочу забыть лицо Раифа Хамеда, забыть, что во вселенной есть место надежде и разочарованию. У меня есть цель, смысл моего существования, и ничто не удовлетворит меня, кроме достижения её. Я пойду дальше по пути и изгоню слабость плоти. Я буду Ралехом Грондом, Железной Рукой – или ничем.

Эта страница в последний раз была отредактирована 22 октября 2019 в 20:48.